

III. ОСОБЕННОСТИ МЕНТАЛИТЕТА И КУЛЬТУРНЫХ ОРИЕНТИРОВ ГОРОЖАН

Е.Ю. Акимова

ВОСПРИЯТИЕ ГОРОЖАНАМИ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ: ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ВЪЕЗД ИЗАБЕЛЛЫ БАВАРСКОЙ В ПАРИЖ (ПО ХРОНИКЕ ФРУАССАРА)

«В воскресенье, двадцатого дня августа месяца, когда шел, милостью нашего Господа, год 1389, на улицах Парижа, а также за городом собралось такое количество народа, что не верилось собственным глазам»¹. Событие, которое должно было состояться в этот день, было достойным того, чтобы привлечь к себе широкий общественный интерес, и заставило автора этих слов заранее позаботиться о том, чтобы оказаться в городе, дабы иметь возможность стать свидетелем «грандиозного праздника», ознаменовавшего собой торжественный въезд королевы Изабеллы Баварской в Париж².

Значимости церемоний королевских въездов в города средневековой Европы посвящено достаточное количество литературы в зарубежной и отечественной медиевистике³. Материалы описаний торжественных королевских въездов, содержащиеся в хрониках XIV–XV вв., нотариальные акты, сметы и прочие документы, отражающие

¹ *Froissart J.* Les Chroniques de sire Jean Froissart qui de traitent des merveilleuse emprises, nobles avetures et faits d'arme advenus en son temps en France, Angleterre, Bretagne, Bourgogne, Escosse, Espagne, Portugal et autres parties. Livre IV / Ed. J.A.C. Buchon. Chroniques nationales francaises XIII–XIV siecles. Vol. XII. Paris, 1825. Chap. I. P. 7.

² *Ibid.* P. 5–6.

³ См. *Giesey R. E.* The Royal Funeral Ceremony in Renaissance France. Geneve, 1960; *Guenee B., Lehoux F.* Introduction // Les entrees royales francaises de 1328 a 1515. P., 1968. P. 7–30; *Bryant L. M.* L'entree royale a Paris au Moyen Age // Annales E.S.C. 1986. № 3. P. 516–541; *Idem.* Le ceremonie de l'entree a Paris au Moyen Age // Annales E.S.C. 1988. Mai–juin. P. 513–537; *Бойцов М. А.* Как горожане встречали своего сеньора // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. М., 2000. Т. 4. С. 65–78; *Польская С. А.* Диалог города, клира и короля в процедуре церемонии королевского въезда в Париж в XIII–XV вв. // Средневековый город. Саратов, 2002. Вып. 15. С. 86–106; *Цатурова С. К.* «На ком платье короля?» Королевские чиновники в торжественных въездах королей в Париж (XIV–XV вв.) // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. М., 2004. С. 216–248;

Хачатурян Н. А. Колесо фортуны. Праздники и будни монаршей власти // Там же. С. 5–12.

подготовку и ход церемонии, позволяют исследователям рассматривать ее как важный элемент политической культуры, позволяющий лучше понять некоторые аспекты проблемы природы власти, ее взаимоотношений с различными слоями средневекового общества и их представлений о ней. В ритуале королевских въездов исследователями подчеркивается роль диалога власти с основными социальными группами города, который был способом регулирования, установления и опубликования основ отношений между государем и средневековым городским сообществом. Одновременно торжественные въезды были средством репрезентации королевской власти, так как подтверждали в глазах общества ее сакральную функцию и способствовали объединению представителей различных социальных групп вокруг монарха. Для города церемония королевского въезда была возможностью представить свое могущество и богатство и таким образом «явить себя как внушительную силу»⁴.

Таким образом, содержание церемонии торжественного въезда позволяет рассматривать ее в рамках проблемы взаимоотношений города и королевской власти. Если целью этого ритуала было утверждение освященной власти монарха над подданными и его права сеньора и короля над городом, то ради достижения этой цели король в свою очередь должен был признать легитимность прав и привилегий города. По словам американского исследователя Л. Брайана, прежде чем вступить в город, монарх обязан был принести клятву соблюдать права и вольности данного города, подтвердить церковные привилегии и обещать защищать их⁵. Заметим, что содержание этой церемонии и ее цель соответственно, претерпевают изменения во времени, связанные с процессом усиления королевской власти и ростом территории королевского домена. Прослеживается эволюция ритуала от практики «первых посещений», в основе которых находилась реализация сеньориального права на жительство [*la droit de gîte*], и которое, по мнению

Б. Гене и Ф. Леу, еще составляло основу содержания церемонии торжественного королевского въезда в XIII веке⁶, до складывания в XIV–XV вв. традиции торжественного въезда короля как суверена, утверждающей легитимность власти государя, «который правит и управляет королевством и подданными, как ему положено...издавая законы, статуты, ордонансы и постановления, которые ни один из его подданных или кто другой не может ни обжаловать, ни оспаривать, ни обсуждать прямо или косвенно»⁷. В связи с этим особое значение приобретает королевский въезд в Париж как столицу и главный город королевства.

В 1389 году Изабелла Баварская, о въезде которой в Париж и пойдет речь ниже, уже четыре года была супругой Карла VI (1380–1422 гг.),

⁴ Цатурова С. К. Указ. соч. С. 218–219. Одним из ярких свидетельств могут служить слова Фруассара, который, перечисляя подарки «доброе города Парижа», преподнесенные королю, королеве и герцогине де Турень, превысивших 60 тысяч золотых крон, предлагает своему читателю оценить «стоимость этих подарков и могущество парижан». См. *Froissart J. Les Chroniques...Livre IV / Ed. J. A. C. Buchon. Vol. XII. Paris, 1825. Chap. I. P. 25.* Отметим, что стоимость золотой кроны в 1385 году составляла примерно 270 денье, тогда как дневное жалование пехотинца на службе короля Франции в 1380 году составляло 62 денье, таким образом, сумма в 60 тысяч крон составляла месячное жалование армии в 10 тысяч пехотинцев.

⁵ *Bryant L. M. Op. cit. // Annales E.S.C. 1986. № 3. P. 536.*

⁶ См.: *Guenee B., Lehoux F. Op. cit. P. 11.*

⁷ Цит. по: *Малинин Ю. П. «Королевская троица» во Франции XIV–XV вв. // Одиссей. М., 1995. С. 32–33.*

ставшего королем Франции в двенадцатилетнем возрасте. Бракосочетание Изабеллы и Карла в июле 1385 года было итогом политики герцога Бургундского, дяди и опекуна короля, с целью укрепления союза с Баварским домом, который Филипп Храбрый стремился использовать для осуществления своих нидерландских амбиций и распространения «бургундской опеки» на герцогство Брабант⁸. Напомним, что чуть ранее, в этом же 1385 году состоялось двойное бракосочетание сына и дочери герцога Бургундского (Иоанна и Маргариты) с детьми Альберта Баварского.

Однако в конце 1388 года Карлу VI удалось избавиться от опеки своих дядей (герцогов Бургундского, Беррийского и Бурбона). На обратном пути из гельдернского похода (организованного в пользу брабантской политики герцога) в ноябре 1388 года, в Реймсе, кардинал Ланский призвал короля править самостоятельно. Карл VI поблагодарил своих опекунов и фактически отстранил их от управления королевством⁹.

Контроль над королевским советом и все значительные административные посты с 1389 года принадлежали группе «мармузетов», совершивших радикальный рывок в оформлении государственной службы¹⁰. Это была группа бывших советников Карла V, отодвинутых на вторые роли в начале нового царствования. Она состояла из королевских чиновников, финансистов, прелатов, и военных, группировавшихся вокруг коннетабля Оливье де Клиссона и адмирала Жана де Вьена¹¹. Ордонансы, изданные мармузетами с февраля по май 1389 года, сыграли большую роль в процессе формирования верховной королевской администрации, ее автономизации от персоны правителя и становлении особых принципов государственной службы¹². Основные функционеры центральной власти – баляи и сенешали, отныне избирались советом, парламент пополнялся путем кооптации, финансовые органы приобрели специализацию¹³. Таким образом, въезд Изабеллы Баварской в Париж с политической точки зрения ознаменовал собой перемену политики королевской власти и начало самостоятельного правления Карла VI.

Описанию этой церемонии посвящена вступительная глава четвертой, завершающей книги хроник Фруассара. В целом труд охватывает события XIV века (с 1307 по 1400 гг.). Его центральным сюжетом является англо-французский конфликт, известный под названием Столетней войны, в который, в большей или меньшей степени, оказались втянутыми почти все страны Западной Европы. Специфика хроники как источника состоит в том, что в ней совмещен жанр исторического и литературного сочинения. Благодаря этому ее автор сумел заработать репутацию «романиста», который «не выбирает героев и сюжетную линию своих историй в туманном прошлом, а находит их в событиях собственного столетия. Он ставил себе задачу историка, но к цели своего труда подходил как творчески мыслящий художник»¹⁴. Действительно, Фруассар утверждал, что недостаточно

⁸ См.: *Перруа Э.* Столетняя война. СПб., 2002. С. 225–232.

⁹ Там же. С. 233.

¹⁰ *Цатурова С. К.* Указ. соч. С. 221.

¹¹ *Перруа Э.* Указ. соч. С. 233.

¹² Подробнее см.: *Цатурова С. К.* Указ. соч. С. 220–240; *Она же.* «Сеньоры закона»: к проблеме формирования «параллельного дворянства» во Франции в XIV–XV вв. // *Средние века.* М., 2003. Вып. 64. С. 50–88.

¹³ *Перруа Э.* Указ. соч. С. 233–234.

¹⁴ *Nichols. S. G.* Discourse in Froissart's Chroniques // *Speculum*, 1964. Vol. 39. № 2. P. 280.

просто говорить о каких-либо вещах, не зная причин, их вызвавших¹⁵. Он стремится собрать как можно больше сведений обо всех значительных социальных и политических событиях, происходивших в его время. С этой целью хронист предпринимает дальние поездки, чтобы лично присутствовать на важных мероприятиях или переговорах; при случае расспрашивает достойных его доверия людей – рыцарей и герольдов, заимствует сообщения из других исторических сочинений. Словом, собирает необходимую информацию на протяжении всей своей жизни. Использовал ее Фруассар с целью «поощрить доблестные сердца и показать... благородные примеры»¹⁶. Кроме того, автор хроники стремился «чтобы все те, кто будут читать [эту историю], могли бы получить от нее удовольствие и пользу, а я бы сумел заручиться благосклонностью [своих читателей]»¹⁷.

В отечественной литературе к материалам хроники Фруассара по поводу королевского въезда никто не обращался, да и в западноевропейской специально они, насколько можно судить, еще не анализировались. Между тем сообщения хроники интересны тем, что содержат сведения о составе участников королевской процессии, позволяют определить маршрут шествия, выяснить сходные или отличительные черты данного въезда от других подобных церемоний. Представления и декорации на улицах Парижа, традиционно сопровождавшие события такого рода, организация «праздника в стенах города» может свидетельствовать не только об уровне богатства столицы, но и восприятию горожанами королевской власти, их надеждах, связываемых с началом нового правления. Напомним, что после восстания горожан в 1382 году, Париж был лишен права иметь купеческого прево и эшевенгов и фактически утратил свои муниципальные свободы.

Текст хроники Фруассара не позволяет выяснить процесс подготовки торжественной церемонии, однако позиции горожан в Париже XIV–XV веков были, как известно, еще достаточно сильны для того, чтобы не фигурировать в роли простых статистов. Они являлись активными ее участниками и могли представить монарху свое видение образа города. Опираясь на обширную публикацию текстов хроник и документов, посвященным королевским въездам XIV–XV вв., изданную в 1968 году В. Гене и Ф. Леу, С. К. Цатурова делает вывод о том, что городские власти Парижа сами решали, в каком виде и как принимать короля (или королеву) исходя из собственных возможностей¹⁸.

Церемония въезда королевы, судя по рассказу хрониста, состояла из девяти этапов – девяти торжественных и праздничных действий: въезд через первые ворота Сен-Дени, сцена у винного фонтана на улице Сен-Дени, «сражение» у монастыря Святой Троицы, представление у вторых ворот Сен-Дени, представление у часовни Святого Иоанна, театрализованное действие у Шатле, сцена с канатоходцем у Норт-Дам, торжественная встреча с епископом Парижским и коронация в соборе (выделим их в отдельное действие) и, наконец, празднество во дворце Правосудия.

Открывало церемонию въезда торжественное шествие к городу. После полудня торжественная процессия двинулась к Парижу со стороны Сен-Дени, где «собрались знатные и благородные дамы

¹⁵ *Froissart J.* The Chronicles by sir J. Froissart of England, France, Spain and the adjoining countries. Book. I / Ed. T. Johnes. London, 1857. Vol. I. Chap. I. P. 3.

¹⁶ *Ibid.* P. 3.

¹⁷ *Ibid.* Preface. P. 1.

¹⁸ *Цатурова С. К.* «На ком платье короля?» ... С. 218.

Франции, которые должны были сопровождать королеву, а также сеньоры, эскортирующие носилки (la litiere)* королевы и дам»¹⁹. Заметим, что выбор аббатства Сен-Дени отправной точкой маршрута торжественного шествия был традиционен для церемоний королевских въездов и обусловлен «сакральным покровительством Святого Дени французской короне и столице ее домена»²⁰.

По свидетельству хрониста, помимо королевской свиты в торжественном шествии участвовали представители города: «двенадцать сотен горожан, все верхом, разодетые в нарядные платья зеленого и алого цветов (из шелкового с золотыми нитями сукна) располагались по обеим сторонам дороги»²¹. Ясно, что они составляли не только почетный эскорт, но также выполняли функцию представления города. Одетые в богатую, но одновременно однообразную в цветовом выражении одежду, парижане тем самым подчеркивали солидарность и достоинство социальных групп города перед лицом королевской власти. Кем были эти горожане, хрониста не интересовало (в виду специфики его труда), зато состав главных участников процессии нам известен, благодаря его же подробному перечислению.

К организации и порядку шествия участников торжественной церемонии, Фруассар относится с особенным интересом. Центральной фигурой процессии являлась королева. Король не принимал участия в церемонии; он находился внутри города. «Прежде всех, (после часа нон) в Париж въехали королева Жанна со своей дочерью герцогиней Орлеанской. В крытых носилках... они проследовали по улице Сен-Дени во дворец, где их ожидал король»²². Во главе почетного эскорта, сопровождавшего носилки Изабеллы Баварской, находились герцоги Турень и Бурбон, за ними следовали герцоги Беррийский и Бургундский и замыкали его мессир Пьер Наваррский и граф д'Остреван. «Затем торжественным шагом на парадном коне... без носилок, ехала герцогиня Беррийская в обществе графа де ла Марша и графа Неверского... затем следовали в открытых носилках герцогиня Бургундская и Маргарита Эно, графиня Неверская, ее дочь, в сопровождении мессира Анри де Бара и графа Намюра младшего, названного мессиром Гийомом. За ними, опять-таки в открытых носилках, следовала мадам Орлеанская. Так как еще была герцогиня Орлеанская* на парадном коне, которая ехала около герцогини де Бар и ее дочери, дочери сеньора де Куси; и сопровождалась вышеназванная мадам Орлеанская мессиром Жаком де Бурбоном и мессиром Филиппом д'Артуа. Уже упомянутая герцогиня де Бар и ее дочь ехали с эскортом в лице мессира Карла д'Альбре и сеньора де Куси...»²³.

Очередность, в которой располагались участники движения, могла особенно заинтересовать хрониста, поскольку участие в таких процессиях,

* Из дальнейшего текста хроники, можно понять, что в эти «носилки», о которых говорит Фруассар, были впряжены лошади. Очевидно, они представляли собой прообраз открытых экипажей, в отличие от крытых повозок (les chars couverts), которые также упомянуты в тексте в качестве транспортного средства. См.: *Froissart J. Les Chroniques... Livre IV. Chap.I. P. 8-9; P. 14.*

¹⁹ *Froissart J. Les Chroniques... P. 7.*

²⁰ Польская С. А. Указ. соч. С. 91.

²¹ *Froissart J. Op. cit. P. 7.*

²² *Ibid.*

* Очевидно герцогиней Орлеанской, Фруассар называет здесь герцогиню де Турень, получившую этот титул в 1392 году. Тогда как мадам Орлеанская – Бланка де Бомон (1328–1392) вдова герцога Филиппа Орлеанского (ум. 1375 г.), брата короля Франции Иоанна Доброго.

²³ *Froissart J. Op. cit. P. 8-9.*

и главное, занимаемое в ней место, наглядно демонстрировало статус человека в сословной и придворной иерархии. Таким образом, следя за ней, наблюдатель, очевидно, мог ощущать «упорядоченность того социального мира, в котором ему приходилось существовать»²⁴; убеждаться в верности своих наблюдений относительно степени приближенности той или иной персоны ко двору, давности и древности тех родов, которые они представляли.

Внимание хрониста привлекают детали костюмов или экипировки участников процессии. Носилки королевы и знатных дам, были украшены «так богато, что ничего более роскошного нельзя было придумать»²⁵. Поэтому, герцогиня де Турень, «дабы ей отличаться от остальных, проехала весь путь на великолепно украшенном парадном коне»²⁶.

Рядовые горожане обозначены в хронике только количественно: «я могу вас заверить, что у королевских сержантов и стражи было много работы, так как им все время приходилось прокладывать дорогу сквозь толпу и давку, которую она создавала, поскольку на улицах собралось такое количество народа, что казалось, здесь были люди со всего мира»²⁷. Никаких других сведений, касающихся персонально кого-то из горожан, мы не находим. Ярко обозначен лишь результат их деятельности. «И знайте, что вся улица Сен-Дени была украшена тканями из камлота и шелка так, что казалось, они у нас ничего не стоят, или мы [находимся] в Александрии или Дамаске. Все дома по улице Сен-Дени до Шатле и даже до Большого парижского моста (моста Меняя) были украшены тканями и гобеленами с различными историями, которые вызывали большое восхищение»²⁸.

Как участники событий горожане проявляют себя в хронике только тогда, когда речь заходит о праздничном оформлении улиц Парижа, сооруженных на них конструкциях, «живых картинах» или разыгранных представлений. Однако, сквозь пышность и торжественность декора городских улиц просматривается кропотливый труд парижских вышивальщиц, цеховой устав которых предписывал использовать золотые нити только определенного рода, а также ткачей, красильщиков, выделывателей шелковых тканей и атласа²⁹. Цеху живописцев разрешалось работать даже по ночам³⁰.

О.А. Добиаш-Рождественская, ссылаясь на сведения статута прево парижских цехов 1226 г., определила, что среди упомянутых в них ста корпораций не менее трети имели художественную или «украшающую» специальность. Кроме уже упомянутых, это были, «каменщики» (среди них укрылись резчики по камню), филигранщики, мастера «образов» (*tailleurs-imagiers*), ваятели, изготовители бус и четок, мастера инкрустации, ковров, тисненой кожи и переплетов, изделий из рога, хрусталя, слоновой кости и т.д.³¹. Усилия всех этих людей позволили городу быть не только «юридическим лицом», обладающим правами (которые, правда, большей частью были отменены и которые он, безусловно, хотел вернуть), но и обрести другое, новое лицо,

²⁴ Бойцов М. А. Указ. соч. С. 68.

²⁵ Froissart J. Op. cit. P. 8.

²⁶ Ibid.

²⁷ Ibid. P. 9.

²⁸ Ibid. P. 13.

²⁹ Грацианский Н. П. Парижские ремесленные цехи в XIII–XIV столетиях. Казань, 1911. Гл. II. С. 82–83.

³⁰ Там же. С. 79.

³¹ Добиаш-Рождественская О. А. Западное средневековое искусство // Культура западноевропейского средневековья. М., 1987. С. 35.

позволяющее быть достойным участником диалога с королевской властью.

Въезд в город осуществлялся, как уже было отмечено, по традиционному маршруту, через ворота Сен-Дени, где, согласно рассказу Фруассара, парижанами был сооружен и украшен звездами небесный свод, внутри которого королева увидела фигуры ангелов и Богородицы, держащей младенца Христа; хор детей сопровождал сцену благозвучным пением³². Торжественность момента подчеркивало изображенное «в небе» золотое солнце, сияющее и лучезарное, на фоне которого располагались гербы Франции и Баварии. «И это лучезарное золотое солнце было девизом* короля на предстоящих празднествах»³³.

Обратим внимание, как религиозный мотив декора органично сочетался с королевской символикой. Идентификация королевских особ происходит на одном уровне с главными персонами религиозного культа. Тем самым подчеркивалась сакральная основа королевской власти. Это не только свидетельство определенного уровня ее восприятия: таким образом, горожане стремятся продемонстрировать себя как подданные короля, для которых его власть носит священный характер. Радость и почтение горожан, очевидно, демонстрировалось богатым украшением нескольких улиц; они пошли на это нелегкое и затратное дело, особенно тяжкое во времена бедствий Столетней войны. Правда, после серии военных и дипломатических успехов Франции в конце 60-х и 70-х годах XIV в., в англо-французских взаимоотношениях наступило затишье. Перемирие, заключенное в Лелиенгене за два месяца до анализируемых событий, в июне 1389 года, обе стороны старались продлить (за этим договором последовала конференция в Амьене, и, наконец, в 1396 году стороны заключили между собой перемирие, сроком на 28 лет)³⁴.

Вернемся к описанию процессии. Минуя первые ворота, королевский кортеж оказался на улице Сен-Дени, «которая была украшена и казалась полностью скрытой под сукном лазурного цвета, усеянного золотыми лилиями»³⁵. Здесь парижане особенно отчетливо проявляют свое отношение к власти, используя королевские цвета и символику. По улице Сен-Дени кортеж торжественно двинулся к фонтану, вокруг которого были расположены столбы с помещенными на них гербами некоторых знатных и благородных сеньоров французского королевства. Надо думать, среди них могли быть и гербы участников процессии, напоминавших королеву о первенстве в знатности, внутрисословной корпоративности и, одновременно, значимости каждого старинного рода.

Горожанам пришлось раскошелиться не только на украшение улиц gobеленами и дорогими тканями. Фруассар с восхищением пишет, что

³² *Froissart J. Op. cit. P. 9.*

* В XIV–XV вв. многие влиятельные аристократы обзавелись дополнительной системой знаков – немymi девизами, которыми обозначались не столько кровные и поземельные связи, сколько связи конкретно политические. Таким образом, герб идентифицировал своего обладателя через род и землю, а девиз проецировал обладателя власти на его партию, свиту, отряд. Герб и девиз одного и того же человека часто выступали вместе и соединялись в единый сложный знак. Они обозначали одно лицо, хотя, как правило, выявляли его разные социальные ипостаси: герб более длительные и значительные, а девиз более эфемерные. – См.: *Медведев М. Ю. «Зима Средневековья в поздних девизах французских королей» // Средние века. М., 2000. Вып. 61. С. 203–204.*

³³ *Froissart J. Op. cit. P. 9–10.*

³⁴ См.: *Басоевская Н. И. Столетняя война 1337–1453 гг. М., 1985. Гл. II. С. 85–87.*

³⁵ *Froissart J. Op. cit. P. 10.*

ручьём из фонтана изливался поток кларета с пряностями, и девушки «в праздничных одеждах и золотых шляпах на головах, окружавшие фонтан, пели очень красиво, и их приятно было слушать»³⁶. В их руках находились золотые кубки и чаши, и они преподносили их наполненными всем, кто пожелал пить³⁷. Это было очень кстати, так как летним днем погода могла быть очень теплой. Из текста хроники можно определить, что, по крайней мере, на следующий день стояла жара³⁸. Поэтому винный фонтан, сооруженный парижанами, выполнял не только декоративную функцию, демонстрируя богатство и щедрость города, но использовался также и с целью утощения, создания подобающего настроения у толпы.

Далее по улице «под монастырем Троицы» был устроен помост, на котором соорудили замок. На противоположных сторонах помоста изображались «живые картины»: согласно своему обозначенному гербом имени, располагались войска Саладдина и войска крестоносцев, «сплошь состоящие из рыцарей со славными именами, некогда сражавшихся с сарацинами...и над ними король Франции, в окружении двенадцати пэров»³⁹. Действо началось, когда носилки королевы подъехали к помосту, где были выстроены отряды: «Король Ричард, оставил своих спутников и подошел к королю Франции, дабы получить у него разрешение атаковать Саладдина»⁴⁰. Получив разрешение, король Ричард вернулся к своим спутникам, и тогда войска крестоносцев «тотчас бросились в атаку на сарацин. Развернулась грандиозная битва, продолжавшаяся довольно долго, которую все охотно смотрели»⁴¹.

Не трудно понять, что представление связано с историей того знаменитого крестового похода 1189–1192 гг., который объединил под «знаком креста» короля Франции Филиппа II Августа, короля Англии Ричарда I Львиное Сердце и германского императора Фридриха I Барбароссу.

Сюжет представления играл на патриотических чувствах французов. В условиях Столетней войны Париж не только «создает и поддерживает королевский культ»⁴², демонстрируя объединение королевства (символом которого являются двенадцать пэров, окружающих короля Франции), он делает это в рамках того, что позже назовут «национальной идеей». В представлении король Ричард просит разрешения короля Франции вступить в битву. В глазах парижан английский король в первую очередь – вассал королевства, а уж потом король Англии – прославленный рыцарь. В условиях англо-французского конфликта это должно было лишним раз свидетельствовать, что настоящий вассал должен во все времена оставаться верен своему долгу и сеньору, а не распоряжаться в его стране, как это делали англичане и их военные предводители. Кроме того, сюжет представления затрагивает вновь набирающую актуальность из-за действий турок-османов тему крестовых походов. Слава предков, судя по всему, в конце XIV века еще воспламеняла души французского рыцарства. Англо-французское перемирие и стремление к примирению, демонстрируемое Ричардом II и Карлом VI, способствовало воскрешению планов борьбы с неверными. Идею совместных действий «объединенного Запада» под руководством

³⁶ *Froissart J.* Op. cit. P. 10–11.

³⁷ *Ibid.* P. 11.

³⁸ См.: *Froissart J.* Op. cit. P. 20–21.

³⁹ *Ibid.* P. 11.

⁴⁰ *Ibid.*

⁴¹ *Ibid.*

⁴² *Польская С.А.* Указ. соч. С. 105.

французского короля развивал воспитатель Карла VI, Филипп де Мезьер⁴³. Любопытно, что парижанами король Франции так же представлен «вождем латинского христианства». В глазах парижан это свидетельствует о престиже королевской власти и прежде всего французского королевского дома. Кроме того, это может послужить свидетельством выражения его определенных амбиций, частично реализованных (правда неудачно) в тунисском походе 1391 года, во главе с Людовиком II Бурбоном, и походе 1396 года, в котором главой французского рыцарства был Иоанн Неверский и который завершился печально известной битвой при Никополе.

Нельзя точно сказать, сколько длилось «показное сражение», после которого королевская процессия двинулась в сторону вторых ворот Сен-Дени, где был замок, и, по аналогии с первыми воротами, устроен свод, в виде звездного неба. Внутри него располагались одетые под ангелов певчие, и величественно восседала фигура, изображающая Бога, владыку царства небесного в трех ипостасях – Отца, Сына и Святого духа. Здесь королеву ожидал сюрприз: врата рая распахнулись, и к ней вышли два ангела, которые держали в руках украшенную драгоценными камнями золотую корону, которую они одели на ее голову, провозгласив королевой Парижа, Франции и всей страны⁴⁴. Как видим, сюжетная линия представлений была в равной степени посвящена светским и религиозным темам, которые содержали смысловой заряд и могли свидетельствовать об определенных религиозных и политических представлениях горожан, для которых королевская персона была персоной сакральной, «которая держит свое королевство от Бога»⁴⁵. Кроме того, «ангелы», одевшие на голову Изабеллы корону и публично провозгласившие ее королевой Парижа, Франции и всей страны, не только напомнили королеве о моменте торжественной коронации, которая ждала ее в соборе Нотр-Дам и свидетелями которой были лишь представители знати, духовенства и королевской администрации, они как бы воспроизвели его для всех горожан, собравшихся на улицах Парижа. Любопытным представляется еще один момент, касающийся процесса складывания национальной монархии во Франции. Не останавливаясь подробно на этом вопросе, отметим, что для Фруассара, а также, если верить его словам, для парижан, географическое и политическое содержание термина «Франция» в конце XIV века еще не совпадает с территориальными границами королевства. Так жители Бретани и Гаскони, даже если сражаются вместе с войсками французского короля и признают его верховную власть, фигурируют в хронике как бретонцы и гасконцы, а не французы⁴⁶. Даже знаменитый коннетабль Франции Бертран дю Геклен известен как бретонский рыцарь.

Вернемся к торжественному въезду. Далее, по свидетельству хрониста, процессия проследовала мимо помоста часовни Святого Иоанна, богато украшенного и занавешенного сукном так, что возникло подобие комнаты, внутри нее находились люди, которые играли на органе⁴⁷. «И таким вот образом дамы и сеньоры, их сопровождавшие,

⁴³ *Пеппуа Э.* Указ. соч. С. 248.

⁴⁴ *Froissart J.* Op. cit. P. 12.

⁴⁵ *Krynen J. L.* Empire du roi: Idees et croyances politiques en France XIII–XIV. Paris, 1993. P. 349–351.

⁴⁶ См.: *Froissart J.* Les Chroniques... Livre II / Ed. J.A.C. Buchon. Chroniques nationales francaises XIII–XIV siecles. Vol. VII. Paris, 1824. shap. IV. P. 9–12; shap. VI. P. 15–16; shap. LXXVI. P. 395–411.

⁴⁷ *Froissart J.* Les Chroniques... Livre IV / Ed. J.A.C. Buchon. Chroniques nationales francaises XIII–XIV siecles. Vol. XII. Paris, 1825. Chap. I. P. 12–13.

достигли ворот Шатле, перед которыми они остановились, дабы посмотреть представления, для них приготовленные»⁴⁸. Это было уже третье театрализованное действие, разыгрываемое в данный день.

У ворот Шатле был открытый и «крепко сложенный деревянный замок со сторожевыми башнями, сделанными прочно, чтобы продержаться сорок лет. И там в каждой бойнице находился вооруженный стражник, и в замке было устроено богато украшенное и занавешенное пологом (так же как в королевских покоях) ложе. И называлось это место ложей правосудия (*le lit de justice*), куда был помещен образ Святой Анны»⁴⁹. Вместе с тем, в замке имелось большое пространство, где под покровом деревьев и кустов (сделанных из срубленных веток), находился кроличий садок, содержащий в изобилии кроликов, зайцев и маленьких птиц, которые вылетали вон и прилетали обратно.

И вот из этого «эдемского сада», вышел большой белый олень и подошел к месту правосудия. С другой стороны из него вышли лев и орел, «сделанные очень умело..., и приблизились благородный олень и место правосудия. Тогда из сада вышли двенадцать молодых девушек с золотыми четками, держащие в своих руках мечи с обнаженными клинками, расположились между оленем, орлом и львом и показали, что будут охранять оленя и льва справедливости»⁵⁰.

Представление, разыгранное возле Шатле, здания королевского суда первой инстанции, так же символично по содержанию. Известно, что фигура оленя использовалась в это время качестве девиза королевскими особами Франции и Англии*. Сцена сближения оленя с ложем правосудия, таким образом, была связана с «юридической трактовкой божественной природы королевской власти»⁵¹, когда король признавался вершителем правосудия, исполняющего главную функцию власти по образу Бога. Орел в Библии олицетворяет величие и всемогущество Бога и является символом божественного вдохновения⁵². Лев – символ власти, храбрости, силы духа, мощи и величия⁵³. Представленные как символы духовенства и рыцарства, они призваны служить королевской власти, являться для нее опорой.

Теоретическое обоснование подобная трактовка представления, разыгранного перед королевой у Шатле, находит подтверждение в словах Жана де Жерсона, доктора богословия, канцлера Парижского университета. Он сравнивал королевскую власть с тронем Соломона, который поддерживается двумя руками – духовенства и рыцарства⁵⁴. Двенадцать девушек с четками и мечами могли олицетворять Божий суд, которому предшествует королевский. Таким образом, они олицетворяли собой небесных покровителей и защитников королевской власти, которая, опираясь на духовенство и рыцарство, призвана служить общему благу. Не случайно, по замечанию С. К. Цатуровой, к середине XIV века появляется новый элемент в клятве короля при короновании: он клянется служить общему благу, и это было

⁴⁸ *Froissart J. Les Chroniques...* P. 13.

⁴⁹ *Ibid.* P. 13.

⁵⁰ *Ibid.* P. 14.

* Девизом французского короля Карла VI был крылатый олень белого цвета, девизом английского короля Ричарда II был также белый олень. – См.: *Медведев М. Ю. Зима средневековья ...* С. 206–207.

⁵¹ *Цатурова С. К. «Сеньоры закона»...* С. 64.

⁵² Символы, знаки, эмблемы: энциклопедия / Авт.-сост. Багдасарян В. Э., Орлов И. Б., Телицын В. А. / Под ред. В. А. Телицына М., 2003. С. 351–352.

⁵³ Там же. С. 262–263.

⁵⁴ См.: *Цатурова С. К. Указ. соч.* С. 71.

существенной трансформацией функции верховной власти от сюзеренитета к суверенитету⁵⁵. Таким образом, живая картина у ворот Шатле могла представлять взгляды «парижской интеллигенции» на природу королевской власти и ее функции.

После разыгранной сцены королевский кортеж двинулся далее и приблизился к Большому парижскому мосту, «богато украшенному, крытому навесом в виде звездного неба, а также парчой (samis) зеленого и алого цветов и тканями из сендала зеленого и белого цвета. И до самого собора Норт-Дам улицы были украшены»⁵⁶. Прежде чем королева Франции и другие дамы и сеньоры, по традиции королевских въездов, оказывались в стенах собора, они наблюдали во время пути разные выступления уличных артистов, «которые доставили им удовольствие». Они могли наблюдать как по канату, протянутому на высоте, между самой высокой башней собора и самым высоким домом моста Сен-Мишель, поверх людей и домов, напевая и держа в своих руках две зажженные свечи, (так как уже стемнело) прошел канатоходец с легкостью, восхитившей всех⁵⁷.

На площади собора королеву торжественно встречал епископ Парижский, вместе со всей коллегией*, в состав которой входило много представителей высшего духовенства⁵⁸. Королева и ее свита вошли внутрь собора вместе с епископом с духовенством, где перед тем запели хвалу Господу и Деве Марии. Королеву провели по всей церкви, среди хоров до алтаря, где «опустившись на колени, она сотворила молитву»⁵⁹. После этого она преподнесла в сокровищницу собора четыре куса золотканого сукна и прекрасную корону – ту самую, что была надета ангелами на ее голову в воротах Сен-Дени. Мессир Жан де ла Ривьер и мессир Жан ле Мерсье (оба члены королевской администрации, входившие в состав группы «мармузетов») преподнесли ей корону более богатую, чем была та; епископ Парижский и герцоги Беррийский, Бургундский, Турень и Бурбон одели ее на голову королеве⁶⁰. Итак, королева публично продемонстрировала свое благочестие и свою щедрость и была официально коронована. Традиционно корону на голову короля Франции возлагал архиепископ Реймский при участии двенадцати пэров французского королевства. Однако в столице эта почетная миссия была доверена епископу Парижскому, первому духовному лицу города. Четыре герцога (являвшиеся, после короля, первыми лицами королевства), согласно обычаю, поддерживая корону, одели ее на голову королеве. Остальных участников церемонии хронист не называет. Можно предположить участие в церемонии епископа Нойонского, епископа Лангра и архиепископа Руанского, которых упоминает Фруассар, когда описывает торжественный обед, состоявшийся в Парижском дворце на следующий день. Они сидели на почетных местах за королевским столом⁶¹.

Заметим, отступая от описания церемонии, что духовенство напрямую фигурирует в хронике среди встречающих королеву

⁵⁵ Цатурова С. К. Указ. соч. С. 74.

⁵⁶ Froissart J. Les Chroniques... P. 14–15.

⁵⁷ Ibid. P. 15.

* Очевидно, здесь Фруассар имеет в виду сорбоннскую коллегию, «главнейший театр действия парижского богословского факультета». Членам коллегии вменялось общее участие в церковных и научных торжествах. – См.: Суворов Н. Средневековые университеты. М., 1898. Гл. III. С. 123–124

⁵⁸ Froissart J. Op. cit. P. 16.

⁵⁹ Ibid. P. 16–17.

⁶⁰ Froissart J. Op. cit. P. 16–17.

⁶¹ Froissart J. Op. cit. P. 19.

представителей Парижа только на площади собора Нотр-Дам, несмотря на предусмотренную церемонию коронации, в ходе самого торжественного въезда ему отводится весьма скромная роль. Участие духовенства в торжествах косвенно прослеживается в сценах у городских ворот, когда религиозные по сюжетам представления сопровождалось хорovým пением. Прославление Бога, Девы Марии и младенца Христа, скорее всего, было поручено певчим из церковного хора, возможно, даже знаменитому хору Нотр-Дам, много веков существовавшему при соборе. Однако, главными действующими лицами торжества оставались город и королевская власть. В отличие от других церемоний королевских въездов, в которых участие клира обнаруживается при встрече короля за стенами города⁶² или у городских ворот⁶³, никаких сведений, содержащих информацию о непосредственном присутствии духовенства, кроме как на площади собора Нотр-Дам, хроника Фруассара не содержит. Таким образом, въезд Изабеллы Баварской может косвенно свидетельствовать о факте вытеснения клира на второй план в ритуале торжественной встречи короля за стенами города с конца XIV в. и разделения групп мирян и священников в ходе самой церемонии. Подобное наблюдение, на основе материалов описаний церемоний королевских въездов в Париж, было сделано С.А. Польской⁶⁴. Во время шествия приоритет оставался за городом. Только на площади собора Нотр-Дам первенство в осуществлении церемониального действия переходило к парижскому духовенству.

По выходу из Церкви совсем стемнело, поэтому королевский кортеж был освещен пятьюстами свечами и таким образом он прибыл в Парижский дворец (дворец Правосудия), в котором находился король, королева Жанна и герцогиня Орлеанская, ожидавшие процессию. Дамы вышли из носилок и были сопровождены в свои комнаты, а сеньоры после танцев возвратились в свои дома⁶⁵.

На этом мероприятии первого дня, целью которых были представление молодой королевы столицы и коронация, закончились. Вообще же торжества, посвященные этому событию, по словам Фруассара, продолжались до пятницы⁶⁶. Праздничные обеды с театрализованными действиями и танцами, поединки и турниры, описываются хронистом как увеселительные мероприятия знати, на которых горожанам не отводится никакой роли. Их присутствие в роли зрителей можно лишь иногда предположить «в толпе», которая создавала тесноту.

На следующий день после торжественного обеда в Парижском дворце, который был омрачен неприятным инцидентом, случившемся из-за жары и большого количества собравшихся зрителей, которые создали настоящую давку, в результате которой был опрокинут стол, за которым в большом количестве сидели дамы⁶⁷, королевская чета вместе с придворными и гостями перебралась в отель Сен-Поль (в квартале Маре, близ Бастилии).

Во вторник туда прибыла делегация от Парижа с подарками королю, королеве и герцогине де Турень (для которой этот въезд также был

⁶² См.: Польская С. А. Указ. соч. С. 93; С. 94.

⁶³ См.: Бойцов М. А. Указ соч. С. 66.

⁶⁴ Польская С. А. Указ. соч. С. 94.

⁶⁵ Froissart J. Op. cit. P. 17.

⁶⁶ Froissart J. Op. cit. P. 30.

⁶⁷ Ibid. P. 21-22.

первым)⁶⁸. Сорок почтенных граждан города Парижа преподнесли подарки на носилках, крытых балдахинном из «тончайшей шелковой ткани», сквозь которую можно было видеть драгоценности, лежащие внутри. Эти носилки несли два очень сильных человека, выряженных дикарями (для королевы носилки несли два человека, одетые медведем и единорогом⁶⁹, герцогине де Турень – «мавры черные лицами» с белыми чалмами на головах, как если бы они были сарацинами или татарами⁷⁰). Когда носилки внесли в зал и поставили посередине комнаты, горожане, опустившись перед королем на колени, произнесли: «Дорогой сир и благородный король, ваши горожане Парижа преподносят вам эти драгоценности и выражают свою радость по поводу начала вашего правления»⁷¹.

Подарки, преподнесенные высоким лицам «добрыми людьми» «доброго города Парижа»⁷², по словам Фруассара, в основном состояли из золотой и серебряной посуды. Напомним еще раз слова хрониста, приведенные в начале статьи: «Итак, оцените эти дары, а также могущество парижан, так как я, автор этой истории, который видел все подарки, могу вас заверить, что их стоимость превышает шестьдесят тысяч золотых крон»⁷³.

Согласно исследованиям С.А. Польской, церемония преподнесения городом подарков королевским особам являлась кульминацией королевских въездов в Париж⁷⁴. Она представляла собой «ответный дар» города за подтверждение королевской властью его свобод и привилегий. Известно, что такие прошения обычно вручались королю у городских ворот⁷⁵. Однако об этой части церемонии, хотя здесь речь идет о въезде королевы, из хроники Фруассара ничего не известно. Можно лишь с уверенностью говорить о том, что надежды горожан об отмене особо ненавистных налогов и подтверждении, а в данном случае восстановлении, городских прав были традиционны, и их наверняка возлагали на молодого короля и королеву, которой при въезде был оказан такой же торжественный прием, который обычно оказывали королям⁷⁶.

Не являясь официальным летописцем власти, который в первую очередь стремился бы подчеркнуть королевские прерогативы, Фруассар в то же время был далек от забот и проблем, которыми жил город. Его не интересовали свободы и привилегии Парижа. Он сохранил эту церемонию на страницах своего труда прежде всего как «событие», бесспорно привлекавшее внимание широкой публики своей значительностью и торжественностью.

⁶⁸ *Froissart J.* Op. cit. P. 23–25.

⁶⁹ *Ibid.* P. 24.

⁷⁰ *Ibid.* P. 25.

⁷¹ *Ibid.* P. 23–24.

⁷² *Ibid.* P. 24–25.

⁷³ *Ibid.* P. 25.

⁷⁴ Польская С. К. Указ. соч. С. 99.

⁷⁵ Бойцов М. А. Указ. соч. С. 74–75.

⁷⁶ Об этих ожиданиях прямо говорится в анонимной хронике монаха из Сен-Дени. См.: *Moine de Saint-Denis* Traduction de le Laboureur. T. I. P. 175 / Цит по изд.: *Froissart J.* Les Chroniques... Livre IV / Ed. J.A.C. Buchon. Vol. XII. Paris, 1825. Chap. I. P. 26. Известно, что если для Парижа, лишенного с 1382–1383 года муниципальных свобод, и были сделаны частичные послабления (права управления городом были переданы от парижского прево «хранителю должности купеческого прево», то надежды парижан на уменьшение налогов не оправдались. Наоборот, по словам того же монаха из Сен-Дени, вскоре после анализируемых событий была увеличена габель и произведена девальвация ходовых серебряных монет в 12 и 4 денье.

Тем не менее, стоимость преподнесенных подарков настолько восхитила Фруассара, что он специально заостряет на ней внимание своих читателей. Если вспомнить, что хронист являлся человеком, который побывал при дворах многих знатных персон своего времени и многое повидал, то можно поверить его адекватной (хотя бы в сравнении) оценке богатства и щедрости, демонстрируемых городом. Ценность даров, которая свидетельствовала о «могуществе парижан», являлась показателем ресурсов, которыми мог располагать город, и одновременно свидетельствовала о богатстве и силе парижского бюргерства. Таким образом, за радостью, почтительностью и щедростью, проявленных Парижем в ходе торжественной церемонии, таилось напоминание королевской власти о возможностях города – которыми, с одной стороны, не стоит пренебрегать, и которые, с другой стороны, не стоит недооценивать.

Въезд Изабеллы Баварской в столицу осуществлялся по традиционному маршруту: со стороны аббатства Сен-Дени, через ворота носившие имя этого Святого, по улице Сен-Дени до Шатле, после чего процессия поворачивала на Большой парижский мост (он же мост Менял или мост Шанж), через собор Нотр-Дам шествие продвигалось к своей конечной цели – Парижскому дворцу (дворцу Правосудия или дворцу Ситэ)*. Церемония въезда королевы становится не только способом презентации города, к которой он тщательно готовится, украшая улицы тканями и гобеленами, сооружая на них искусственные фонтаны и «живые картины». Она позволяет высказать надежды и ожидания, которые Париж связывает с началом самостоятельного правления Карла VI, которое особенно подчеркивается коронацией королевы в соборе Нотр-Дам.

К сожалению, горожане на страницах хроники в основном остаются безликими, мы не можем определить ни их социального положения, ни различить их по профессиональной принадлежности. Лишь результаты их труда, неоднократно заслужившие восхищенные отзывы хрониста, заставляют вспомнить о представителях художественных ремесел. Их труд украшал улицы Парижа и в конце XIV века.

Нельзя точно определить состав делегации, встречавший королеву за городом (ясно только, что среди них нет представителей духовенства), но число горожан, одетых в богатую, одинакового покроя и сукна одежду – 1200 человек – внушительно. Разумеется, кортеж королевы составляли «достойные горожане», а сорок самых достойных преподнесут от города дары королю и королеве. По ходу самого шествия и в праздничных мероприятиях горожане проявляют себя лишь в общей массе. Однако образ представляемого города виден отчетливо. Город стремится показать свою состоятельность, продемонстрировать солидарность и сплочение своих жителей. Экономически он может представлять внушительную силу, политически – демонстрирует возрастающую роль городского сословия. При этом город является не только отдельной социальной и правовой средой, горожане в первую очередь подданные королевской власти (наглядно это демонстрируется обилием королевской символики в праздничном декоре), от которой зависит их процветание и благополучие. Ими подчеркивается божественная природа королевской власти, признается за ней роль вершительницы правосудия, хранительницы традиционных ценностей и норм (что подтверждается для них построением королевского кортежа согласно принципам феодальной иерархии). Все вместе это выражает идею прославления

* См. карту маршрута в конце статьи.

государя. Одновременно горожане надеются увидеть обладателя верховной власти мудрым и могущественным правителем, способным принести мир и поддержать авторитет своего королевства. В условиях Столетней войны патриотические настроения стали проявляться, прежде всего, в городской среде, парижане стремились напомнить государям Франции о славе и благородстве королевства, способного занять главное положение в Европе и ждали от монархов правления, которое сумело бы реализовать их ожидания.